

Олеся Бондарчук,
ЖГУ им. Ивана Франко,
Житомир

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МАЛЫХ ЖАНРОВЫХ ФОРМ ГАВЕНД И НОВЕЛЛ В МЕМУАРАХ Т. БОБРОВСЬКОГО

«Мемуары моей жизни» («Pamiętnik» /1900/; «Pamiętnik mojego życia» /1979/; в дальнейшем – «Мемуары...») [6, 7]. Т. Бобровського (1829–1894) занимают одну из центральных позиций в каноне польськоязычной литературы Украины пограничья эпох романтизма и позитивизма.

Тадеуш Бобровський – талантливый летописец днепровского Правобережья, по одной из версий родился в с. Терехове Бердичевского уезда, жил в Оратове Липовецкого уезда Киевской губернии, учился в Житомирской мужской и Первой киевской гимназиях, после чего продолжил обучение на юридическом факультете Киевского, а потом Петербургского университетов.

На протяжении более векового функционирования мемуарных текстов Т. Бобровського его творчество не только не находилось в центре литературоведческих изысканий, но, к сожалению, даже и на его периферии. Многочисленные отсылки к его «Мемуарам» свойственны в большей степени рефлексиям историков или краеведов, чем ценителям изысканного стиля, энциклопедизма и интеллектуализма тереховского мемуариста. Брат Теодора – Стефан (1827–1863) – был активным украинским общественным деятелем середины XIX в., сестра Эмилия (1832–1865) – стала женой известного украино-польского драматурга Аполло Коженювського (1820–1869), их сын Конрад Коженевский (1857–1924) состоялся впоследствии как выдающийся писатель-маринист. Исполнинские заслуги Т. Бобровського перед отчизною заключаются не только в том, что он воспитал и дал миру выдающегося польско-украинско-английского писателя Джозефа Конрада, не столько и не только в его бескомпромиссной борьбе с самодержавием, а в том, что он оставил после себя эпохальные мемуары, которые являются бесценным литературным и историческим срезом интеллектуальной мысли общественной жизни XIX в.

Мемуары Т. Бобровського, безусловно, имеют безграничную литературно-историческую и эстетически-аксиологическую функциональность. Среди первых исследователей мемуаристического творчества Т. Бобровського в Украине назовем имена достаточно весомых писателей, ученых и общественных деятелей таких, как Ф. Гавронский-Равита [9], Ю. Дунин-Карвицкий [8], Є. Ивановский

[10], Р. Маршицкий [12], а среди современников – Н. Кострицы [5], В. Ершова [4], которые той или иной степенью способствовали расширению культурного функционирования текстов выдающегося летописца Правобережья.

Говоря о поэтических особенностях малых жанровых форм в мемуарах Т. Бобровського, необходимо обратить внимание на одну из важных особенностей автора в организации своего текста. Друг и коллега мемуариста В. Спасович вспоминал, что Т. Бобровський «смолоду вел дневник, к которому вписывал не только свою деятельности, но даже разные случаи тогдашней местной общественной жизни» [6, с. 37]. Трепетное отношение Т. Бобровського к деталям и их использование в тексте подтверждает то, что мемуарист на протяжении своей жизни бережно относился к сохранению и формированию собственного архива, вел дневник или параллельно работал над воспоминаниями. Желание автора ничего не пропустить, записать и сохранить малейшую деталь, побуждало его построить повествование с большим количеством вставных элементов, в котором были многочисленные уточнения, пояснения и постоянное комментирование событий. На уровне макротекста это привело к многочисленным небольшим сюжетным вставкам, которые в зависимости от авторской интенции надевали одежды то ли гавенды, то ли небольшой новеллы.

Проблема функционирования малых жанров в пределах завершеного макротекста – проблема достаточно актуальная и востребованная современным литературоведением, позволяющая выявить не только особенности формирования жанровых модификаций, но и особенности мышления творца текста и художественной содержательности жанровых дефиниций. Этой проблеме посвящены работы О. Билютенко [1], О. Бровко [2], А. Васько [13], И. Денисюка [3], Х. Кардыни-Пеликановой [11].

Композиция тадеушо-бобровских мемуаров, с одной стороны, иллюстрируя особенности и специфику авторского мышления, достаточно традиционна и держится на фабульном стержне исторического времени (из прошлого в нынешнее, а потом в некоторых сюжетах – в будущее) и причинно-следственном расположении событий. С другой стороны, – многочисленные вставные сюжеты – рассказы, новеллы, анекдоты, гавенды, очерки с полным набором классических сюжетобразующих элементов (экспозиция, завязка etc.), – нарушая фабульное построение мемуаров, насыщают его дополнительными свойствами, которыми обладают исключительно малые жанровые формы, среди которых повествовательность, новеллистичность, анекдотичность, гавендарность и очерковость.

Стиль «Мемуаров...» Т. Бобровського близок романтичної шляхецької гавенде, що, по мнению глибокого дослідника цього жанру Е. Білютенко, не дивовижно, адже саме «автори щоденників і мемуарів зіграли важливішу роль в народженні нового літературного жанру, давши гавенде, во-перших, матеріал для обробки, а во-вторых, пропонувавши привабливу форму, заслуговуючу довіри, так як розповідач в ній претендував на роль правдивого летописця, свідателя траплявшихся подій. Тому романтична гавенда так часто вдається до відомому прийому літературної містифікації – знайденої рукопису щоденника або спогадів» [1, с. 34]. Мемуарист Бобровський вільно вписує в текст нові сюжетні мотиви, часто, як уже відзначалося, гавендарні, порушує композиційну будову шляхом введення вставних елементів, роздумів, уточнень і пояснень.

Крім гавендарної манери / стилю письма в тексті мемуарів автономно функціонують сюжети, які побудовані згідно жанровим особливостям гавенди. Кожна вставна гавенда композиційно завершена і є матеріалом для асоціативної паралелі стержневого сюжету, який призначений сприяти розширеному розумінню і ілюструванню проблематики. Основними мотивами гавендарних сюжетів є художня інтерпретація щоденного життя шляхти, її публічна життя, аналіз основопологаючих дідовських заповітів. Наратором частіше за все виступає сам мемуарист, який со слів знайомого доносить до читачів незвичайний гавендарний випадок з життя.

Одним з центральних образів «Мемуаров...» в декількох вставних сюжетах виступає легендарний граф Генріх Жевуський, фігура якого ще при житті привертала увагу незвичайністю і суперечливістю. Одна з гавенд вставлена в розповідь про житомирське суспільство, в якому Г. Жевуський займав центральне місце. Мемуарист-наратор ґрунтується на свідчанні одного з учасників цієї історії Станіслава Бондажевського, який став персонажем гавенди. В основі сюжету лежить історія про «аферу» графа з втраченим документом і виплатою 200000 злотих. Генріх, не маючи можливості заплатити таку суму, звиняв Віктора Моргулеса, в тому, що адвокат не ознайомив графа з важливим документом, і що він нічого не бачив жодних векселів. Все це справа дійшло до суду в Києві, де наш філософ не мав іншого вибору, як «змінити тактику і пояснити, що про порученні йому документах в книжковому магазині зовсім забув і що він не був прав [6, с. 181].

В гавенде Т. Бобровский часто отклоняется от линейного повествования, используя приемы дигрессивного отклонения повествования от линейного сюжета. Гавендарь приближает стиль вещания к повседневному разговорному стилю: некто «был судьей липовецким, – уже не помню или Липовецкого, или Махновецкого уезда?» [6, с. 178]. Автор часто использует риторические восклицания: «Я и теперь часто встречаюсь с афоризмом: „Это правда, но несвоевременная“, – как правда может быть несвоевременной?» [6, с. 182]). Героями подобных сюжетов часто становились персонажи, чьи имена были или впоследствии стали известными, если даже не легендарными.

Т. Бобровский для лучшей иллюстрации шляхетских традиций и мировоззрения часто вводит в текст для их характеристики вставные сюжеты анекдотического характера, которые, по мысли автора, способны расширить и углубить понимание проблемы, придав ей событийной исключительности. В. Ёршов, говоря о подобных сюжетах в «Мемуарах...» правобережца, пишет: «Т. Бобровский – мастер рассказа случаев анекдотического характера. Эти небольшие анекдоты мемуариста построены по логике фразы: рассказывают об известных людях и имеют определенную морализаторскую цель, а по своей природе носят легендарный характер» [4, с. 401]. Подобный подход иллюстрирует группа вставных сюжетов, в центре которых образы балагулов и балагульщины. Перед читателем появляется ряд образов «несерьезных» правонарушителей – веселых шутников балагулов. В одной из гавенд вставленных в канву сюжета «Мамуаров...» Т. Бобровским, есть упоминания о «подвигах» отца короля бердичевских балагулов Грациана Шашкевича. Г. Шашкевич «однажды какого-то монаха, который ночевал в своем доме, посреди ночи схватил и повез якобы в крепость (тюрьму – О. Б.). Всю ночь он возил его по двору, а потом закрыл в собственном амбаре и там держал несколько дней, передав ему лопату, чтобы монах мог сделать подкоп крепости. Бедный братчик копал несколько дней и бежал, выйдя к току в хорошо известном ему монастыре» [6, с. 95]. Мемуарист также добавляет, что эти выходки Г. Шашкевича он производил лишь с теми лицами, с которыми можно было пошутить, но грань унижения или насилия никогда не переходил.

Т. Бобровский пишет о балагулах и балагульщине в гротескно-сатирическом ключе, нивелируя негативные стороны характера некоторых представителей и показывая их выходки как невинные шутки. Субъективизм автора невольно проявляется при описании конкретных лиц. Так рассказывая о «горячей крови» балагула В. Падлевського, мемуарист сообщает дополнительную «послебалагульскую» информацию о нем: «Владислав Падлевський в

1863 г. расстрелян в Киеве» [6, с. 95]), показывая его не только в качестве фигляра, но и отдавая почет его патриотизму. Анализируя информацию подобных вставок, уточним, что в большинстве вставных сюжетов не нужно искать морализаторского подтекста и скрытого глубокого смысла. Скорее всего они носят развлекательный характер и контрастируют с серьезным изложением предыдущего материала.

Кроме анализируемых выше гавенд, Т. Бобровський использует вставные новеллы, призванные расширить смыслы авторских акцентов и углубить содержательность мемуаристических образов. И. Денисюк пишет, что в отличие от медленного, разлогого стиля других эпических жанров, новеллистический почерк отрывочный, лапидарный, нервный [3, с. 45]. Поэтому использование вставных новелл в мемуарах, в мемуарах Т. Бобровського в том числе, стало органическим и целесообразным приемом. Большинство вставных новелл в «Мемуарах...» имеют тип приключения, где действие раскрывается через перипетии и интригу. В ниже исследуемой новелле прослеживается схема противопоставления Августа Висловского (протагонист) – инспектору Зимовскому (антагонист).

Зимовский имел «похвальную» привычку подслушивать под дверями в школе или на станции (арендуемая гимназистом квартира). Т. Бобровський рассказывает, что однажды один из гимназистов Август Висловский решил разыграть инспектора. Гимназист, зная, что его подслушивают, преднамеренно сказал, что имеет тайное хранилище, в котором спрятал дневник с неоднозначными записями. Как-то возвращаясь из гимназии на станцию, друзья видят Зимовского, который ковыряется в вещах учеников, а тем временем Висловский улыбается и потирает руки. Естественно, инспектор не нашел ничего противозаконного и стал посмешищем среди гимназистов [6, с. 159–160]. В основе следующей новеллы лежит рассказ о благородстве учителя каллиграфии Владислава Собкевича про отношение к гимназистам. Однажды, на лекции учитель поймал Станислава Бобровського, брата мемуариста, с какими-то патриотическими стихами. И взамен того, чтобы доложить директору, или еще хуже инспектору, рискуя своей должностью и положением, прячет эти стихи [6, с. 155].

Обе вставные новеллы имеют похожую композицию и тематику гимназических приключений. Основная цель подобных вставных элементов – предоставить авторскую визуию ситуации. В основе подобных новелл лежит исключительный (иногда анекдотический) случай из жизни, они имеют развлекательный характер. Автор вводит в текст малые эпические жанры, чтобы не утомлять читателя сухим перечислением событий или списком имен и их приключений.

Совсем другая тематика и функция вставной новеллы про несчастливую любовь девушки-полячки Марии Орликовской и русского офицера Власова. Т. Бобровський, у которого почти отсутствует описательность, свойственная портрету или пейзажам, уделяет особенное внимание изображению образа девушки: «Первая (Мария – *О. Б.*) имела волшебную фигуру, красивые умные глаза и была очень образованной» [6, с. 221]. К этой характеристике автор добавляет патриотизм, потому что «хотя и была убеждена в его (Власова – *О. Б.*) любви, и сама любила, но выйти за него замуж для нее было безрассудством и неуважением к памяти отца» [6, с. 222], ведь Власов не поляк... Девушка из-за преобладания чувства любви к родине выходит замуж за нелюбимого. Этот выбор впоследствии приводит к трагической смерти обоих влюбленных. В этой грустной и эмоциональной новелле мемуарист дает волю собственным чувствам и чувствительной интерпретации событий, переводя повествование из плоскости рационалистической в плоскость сенсуального воздействия на реципиента. Поданная вставная новелла не является попыткой объяснения общественно значимых событий или характеристик определенного персонажа. Эта история – одно из многочисленных воспоминаний из жизни автора, который был в определенной степени причастен к трагическому случаю. Новелла иллюстрирует богатство и многообразие тадеуше-бобровского способа мышления, а вместе с тем и общественные настроения после восстания 1831 г.

Жанрово-стилистическое многообразие «Мемуаров...» Т. Бобровського поистине безгранично. Будучи насыщенными многочисленными вставными сюжетами, которые имеют жанровые характеристики гавенд или новелл, создают ансамбль полифонического звучания эпохи, различных индивидуальных голосов и, что самое главное, – голоса своего времени во всем его многообразии, что, однако, не только не нарушает целостного восприятия произведения, но и придает ему индивидуальности и дагеротипной узнаваемости. Использование вставных элементов является одной из композиционных особенностей произведения, основная цель которых – создание стилевых контрастов изложения. Кроме эстетической функции эти жанры являются средством дополнительной характеристики общественных процессов, событий и персон, они служат для выражения авторской индивидуальности, что в свою очередь, свидетельствует об изысканности и исключительности мемуарного произведения Т. Бобровського.

Литература

1. Билютенко Е. Романтическая шляхетская гавенда в польской прозе XIX века / Е. Билютенко. – Гродно: ГрГУ, 2008. – 135 с.
2. Бровко О. Новела в структурі української прози: модифікації та функції / О. Бровко. – Луганськ, 2011. – 400 с.

3. Денисюк І. Літературознавчі та фольклористичні дослідження / І. Денисюк. – Т. 1. – Львів, 2005. – 432 с.
4. Єршов В. Польська мемуаристична література Волині доби романтизму: генологія мемуаристичності / В. Єршов. – Житомир: Полісся, 2008. – 624 с.
5. Костриця М. Постаті землі Бердичівської. Історико-краєзнавчі нариси / М. Костриця. – Т. 1. – Житомир : Косенко. 2005. – 248 с.
6. Bobrowski T. Pamiętnik mojego życia. O sprawach i ludziach mego czasu / T. Bobrowski / opracował, wstępem i przypisami opatrzył St. Kieniewicz. – Т. 1. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1979. – 507 s.
7. Bobrowski T. Pamiętnik mojego życia. Wspomnienia wieku dojrzałego / T. Bobrowski / opracował, wstępem i przypisami opatrzył St. Kieniewicz. – Т. 2. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1979. – 677 s.
8. Dunin-Karwicki J. Z moich wspomnień / J. Dunin-Karwicki. – Warszawa: A. G. Dubowski, 1901. – 239 s.
9. Gawroński-Rawita F. Tadeusz Bobrowski i jego pamiętniki / F. Gawroński-Rawita. – Lwów, 1901, – 53 s.
10. Heleniusz E. [E. Iwanowski]. Listki wichrem do Krakowa z Ukrainy przyniesione / E. Heleniusz. –Т. 1. – Kraków, 1901, – S. 123–187.
11. Kardyni-Pelikanowa K. Wyznaczniki gatunkowe gawęda w «Pamiętnikach» Jana Chryzostoma / K. Kardyni-Pelikanowa // Sbornik filozofické fakulty Brnenské univerzity. – 1985. – № 32. – S. 85–94.
12. Marszycki R. Protest z powodu pamiętników Tadeusza Bobrowskiego / R. Marszycki. – Lwów, 1901. – 13 s.
13. Waśko A. Romantyczny sarmatyzm. Tradycja szlachecka w literaturze polskiej lat 1831–1863 / A. Waśko. – Kraków, 1995. – 214 s.